

Решетников М. М. Социально-психологические предпосылки формирования и специфические особенности проявлений современного терроризма // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. Часть 3 / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: РАН; ИНИОН, 2017. С. 134–140.

*Решетников М.М.*¹

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА²

Ключевые слова: конченые страны, мигранты, прекариат, романтики борьбы, современный капитализм, справедливость, терроризм, фанатизм.

1. О качественной трансформации современного терроризма

В обществе существует достаточно распространенная точка зрения, согласно которой терроризм – это следствие деятельности террористов. Это, конечно, очень поверхностный взгляд на проблему. Более адекватным и одновременно более сложным является вопрос: следствием чего является появление терроризма и террористического мировоззрения, которое становится все более массовым и приобретает характер своеобразной эпидемии. Этот вопрос становится еще более актуальным в связи с качественной трансформацией современного терроризма: на смену террористам-одиночкам пришли террористические группы, а затем организованные армии и многотысячные сообщества террористов, претендующие на роль самостоятельных государств и субъектов мировой политики, для борьбы с которыми потребовалось создание военной коалиции ведущих стран мира.

2. Почему это происходит?

Дать простое объяснение на этот вопрос невозможно. Практически все авторы, которые анализируют эту тему, многого не договаривают или даже не домысливают. И прежде чем мы перейдем непосредственно к проблеме терроризма, попытаемся осмыслить тот исторический фон, на котором он появился в его современном варианте.

Большинство западноевропейцев (включая евро-американцев) абсолютно убеждены в том, что именно они являются лидерами современной цивилизации. Более того, большинство европейцев также уверены или молчаливо соглашаются с тем, что именно такой вариант развития они должны предложить, привести или даже обеспечить (включая силовые методы) всем остальным (в этом случае априори понимаемым, как отсталые) народам. Здесь, конечно, есть определенное заблуждение. Может быть, стоило бы задуматься: «Действительно ли весь неевропейский мир (79% населения планеты) страстно желает присоединиться к внешне уважаемой и благоухающей, но местами дурно пахнущей западной цивилизации?». В последнем случае имеется в виду неудержимое расслоения населения по уровню доходов и почти утраченные представления о социальной справедливости, а также – алкоголизм, безверие, наркотики, распад семей, проституция, порнография, ненадежность дружб и двойные стандарты, коррупция, продажность и т.д. Все вместе (и уважаемость, и все остальное) обычно именуется «западным образом жизни» и «обществом потребления». Но серьезный анализ показывает, что этот социальный проект далеко не всех прельщает, даже на том же Западе.

3. О западном образе жизни

В этом «образе жизни» остается все меньше пространства для высоких идеалов, смыслов и нравственности, которые подменяются товарным фетишизмом и сакрализацией материального достатка. Эти проблемы давно стали предметом обсуждения и негативных оценок практически во всех странах, причем – представителями всех слоев общества (может быть, за исключением самых состоятельных). Характерно, что в печатных и электронных СМИ все чаще упоминается проблема социальной справедливости (хотя точнее было бы говорить о нарастающей несправедливости). Надо признать, что обсуждение этой проблемы ведется в нашей стране на протяжении всех постперестроечных лет, но ведется достаточно вяло, скорее – на уровне констатации, типа: «К сожалению, такова современная действительность, и с этим ничего нельзя поделать».

Не замечается и то, что всем хорошо известно главное противоречие капитализма: между «общественным характером производства и частной формой присвоения создаваемых материальных благ» на протяжении последнего столетия стремительно нарастало, и в настоящее время достигло безумных размеров. Например, в США 0,1% амери-

---

¹ Решетников Михаил Михайлович – д.психол.н., к.м.н., заслуженный деятель науки РФ, профессор, ректор Восточно-Европейского института психоанализа, Почетный профессор Венского университета (Австрия).

² Полный текст доклада, представленного на конференции «Совершенствование психологической работы в системе МВД РФ» – «Васильевские чтения – 2017», приуроченные к 300-летию российской полиции (Санкт-Петербургский университет МВД России, 20 апреля 2017).

канцев владеет таким же состоянием, как 90% остального населения страны. В России ситуация намного лучше, даже в 100 раз лучше, и соответствует мало утешительной мировой статистике, согласно которой 10% населения планеты аккумулирует 89,1% всех материальных благ. Расслоение населения по уровню доходов в среднестатистическом выражении между 10% самых состоятельных и 10% самых бедных достигает от 15 до 40 раз (в разных странах), а между 1% самых высокооплачиваемых и 1% самых бедных (работающих!) доходит до 1000 и более раз. Ведущие СМИ неожиданно снова вспомнили о таком позорном феномене как «работающая беднота».

Одновременно с этим у значительной части населения (в силу разных уровней достатка и разных стартовых возможностей) последовательно снижается доступность образования, здравоохранения, и в целом – уровень и качество жизни, а также защищенность от преступности (которая за последние 40 лет увеличилась десять раз), менее эффективно работают социальные лифты и т.д. Естественно, что это постепенно стимулирует рост общественного недовольства, особенно у молодежи. В том числе и в первую очередь у молодых мигрантов, даже если они родились и вроде бы считаются полноправными гражданами западных стран, но на самом деле – в большинстве случаев все-таки «второго сорта».

4. Новые граждане

Нужно отметить, что эти новые граждане принципиально отличаются от мигрантов первой волны, которые были счастливы уже тем, что получили возможность не голодать, не погибать от жажды и эпидемий, сменить свои лачуги и хижины на пусть и не такое уж комфортабельное, но все-таки реальное жилье с водоснабжением, канализацией и отоплением. Эти новые граждане уже получили какое-то образование, доступ к телевидению и Интернету, и другим как реальным, так и сомнительным благам западной цивилизации. Но в целом, «плавильный котел», на который уповаляли социологи и философы, не сработал – в своем большинстве эти мигранты остались чужеродной группой, а в нынешней ситуации – становятся все более многочисленной чужеродной частью населения ведущих западных стран. При этом группой, ориентированной на традиционные ценности, высоко-религиозной и весьма критически оценивающей моральное и нравственное состояние западной цивилизации.

5. Куда мы пришли?

Практически все развитие человечества и все смены общественно-экономических формаций шли под лозунгами борьбы с несправедливостью и сопровождались попытками утверждения новых, более справедливых — экономических и социально-психологических отношений между людьми. Но лозунги существовали сами по себе, а общественно-экономические отношения сами по себе, постепенно дискредитируя провозглашенные некогда идеи. В процессе истощения потенциала ситуационно обновляемых лозунгов все более явно проявлялось, что не только высокие идеи, но и стремление к власти и алчность экономических элит (по определению Ф. Энгельса) – были и есть главными силами прогресса.

Добавим, что большинство аналитиков почему-то не замечают ряд специфических факторов современного развития. Деньги стали постепенно утрачивать свое основное назначение и превратились в специфический товар, не подлежащий длительному хранению. До немислимых размеров разросся банковский сектор, не производящий ничего, кроме финансовых операций. Освоение новых территорий больше не сопровождается созданием и развитием производственных мощностей и заселением тех или иных регионов. Основным вариантом «освоения» стало все более технологичное изъятие природных ресурсов и высококвалифицированного научного и кадрового потенциала с закономерно однонаправленным вектором их движения в страны – лидеры глобализации. Одновременно с этим существует ряд ограничений на передачу высоких технологий странам, не относящимся к лидерам глобализации. В итоге некогда популярная фраза о том, что «Мы все в одной лодке» дополнилась саркастическим примечанием: «Но некоторые в качестве провианта», и начала приобретать реальный смысл для целых стран и народов. Мы все это знаем, но принимаем как данность. Но и другие народы также осознают уготовленную им судьбу, и вряд ли готовы ее принять.

Достаточно редко упоминается одна из существенных особенностей современного капитализма, а именно – появление нового массового класса «униженных и оскорбленных», пришедшего на смену классическому пролетариату. В данном случае имеется в виду высоко-квалифицированный и даже высокообразованный наемный персонал, не имеющих (по сравнению с работодателями) почти никаких прав и социальных гарантий, получивший наименование «прекариат» (то есть – нестабильный, опасный). При этом «низовая» часть прекариата во всех странах формируется почти исключительно мигрантами, а угроза дестабилизации такого привычного и комфортного западного мира нарастает.

6. Романтики борьбы

В любом обществе существует особая (не слишком массовая) категория молодых людей, которых можно было бы назвать «романтиками борьбы». Им характерны такие свойства как юношеский максимализм, склонность подвергать сомнению все устоявшиеся нормы и правила в сочетании с энергичностью и агрессивностью психологических установок. Оказавшись в идеологическом вакууме, эта молодежь обращается к поиску хоть каких-то идеалов или чего-то более значимого, чем товарный фетишизм и материальное благосостояние.

Определенное количество исходно оппозиционно заряженных социальных активистов, настроенных на перемены и страстно желающих быть услышанными, всегда присутствует в любом обществе. Это нормально и естествен-

но. Но если культура и социум не принимает, не обсуждает или исходно отвергает идеалы таких социальных активистов, а наличная власть не обеспечивает их сколько-нибудь адекватной объяснительной системой современности, они легко могут трансформироваться в социальных фанатиков. В принципе, крах любых идеалов и иллюзий может стать причиной «некоторого умопомешательства», как Николай Бердяев определял фанатизм.

Это далеко не все особенности того исторического фона, без учета которого трудно понять: почему часть молодых людей, включая этнических европейцев, легко вовлекается в запрещенную в России ИГИЛ?

7. Что их привлекает?

На этот вопрос уже неоднократно пытались ответить многие аналитики. Один из наиболее распространенных вариантов ответа: «Они идут туда ради социальной справедливости». Но это только главный и самый привлекательный лозунг, который активно используют вербовщики. Пропагандисты запрещенной в России ИГИЛ обещают им гораздо больше – новый мир, в котором не будет богатых и бедных, «более равных», слуг и господ, неправого суда, коррупции и взяточничества, курения и наркотиков, алкоголя и проституции, двойных стандартов и однополых браков, порнографии и т.д. Безусловно, эти обещания и идеи – очередные иллюзии и манипуляции, основанные на ведущих факторах общественного недовольства. Однако для молодых активистов, разочарованных в западном образе жизни, в ряде случаев они оказываются более чем привлекательными.

Мне часто приходится встречаться со студенческой молодежью. Большинство образованных молодых людей соглашаются, что эти лозунги – очередная иллюзия и признают, что построение такого идеального общества невозможно. Подчеркну, что речь идет о хорошо образованной молодежи, осознающей свои социальные перспективы. Но даже в этой среде некоторые отвечают: «Это вы смирились с тем, что это невозможно!». А другие формулируют эту идею более агрессивно, можно сказать – даже с некоторой обреченностью (пр процитирую одно из таких высказываний): «Даже если это невозможно, главное – выйти из исторического нравственного тупика, куда весь мир завела навсвязь живая западная демократия и идея общества потребления, уподобив большинство людей скоту!».

В западных СМИ отмечается, что количество таких социальных активистов множится, еще раз подчеркнем – в том числе среди этнических европейцев. Эти молодые люди, и не только выходцы с Востока или из Африки, готовы бороться за идею какого-то нового общественного устройства, хотя сами они не очень-то понимают, каким именно оно должно быть? Есть только недовольство, и пока никто не предложил им иных идей, смыслов бытия и, в целом – иной модели будущего. А такая модель нужна, и она должна быть одинаково привлекательной для абсолютного большинства населения и всех социальных групп.

8. Количество террористов растет

Большинство аналитиков активно эксплуатируют исламскую тему. Но, думаю, что хотя она и стала ситуационно главной (особенно на гребне серии «арабских цветных революций», а точнее – попыток привнести «на штыках» европейскую демократию в арабские страны – попыток, в итоге породивших запрещенную в России ИГИЛ), тем не менее – гораздо более значимыми представляются упомянутые выше факторы.

По мнению специалистов, увеличение числа вовлеченных в террористические организации и группы свидетельствует о колоссальных успехах пропаганды запрещенной в России ИГИЛ в арабском мире, да и в Европе, где количество пришлого населения также последовательно растет. Аналогичные процессы идут и на Кавказе, и в Азии. Этой пропаганде – по сути – ничего не противопоставлено. А при отсутствии иного образа будущего – и не может быть противопоставлено.

В недавно завершившуюся эпоху «великого российского самообмана» такая модель будущего была – иллюзорная и примитивная, но – была. Сейчас нет никакой. А если сформулировать эту идею точнее: экономические и властные элиты большинства ведущих стран мира настойчиво пытаются выдать за высшую стадию развития человечества и законсервировать наличную модель общества и мирового порядка. Это трудно обосновать в кратком варианте, поэтому читателю придется принять на веру: отсутствие привлекательного образа будущего и утрата смыслов тесно взаимосвязаны, и именно эти два фактора провоцируют утрату (особенно – у молодежи) чувства самосохранения. Именно здесь скрыты корни беспрецедентного роста приверженцев движения «чайлд-фри», экстремальных видов спорта и развлечений: стрит-рейсинга и стрит-челленджа, руферов, планкеров, джамперов, зацеперов, а также роста молодежных самоубийств, сект и экстремистских групп.

9. Кто такие террористы?

Обычно их характеризуют как преступных безумцев. Они, безусловно, преступны, но они не безумцы. Наиболее значительное негодование и непонимание вызывает вопрос: что позволяет им убивать ни в чем не повинных людей? Это достаточно трудно понять, и придется принять на веру, что в их представлениях нет невинных, за исключением тех, кто разделяет их идеи и, пусть и иллюзорные и даже извращенные – идеалы. Добавим, что отсутствие ограничений и моральных запретов в отношении потенциальных мишеней терактов целенаправленно культивируется в процессе подготовки в лагерях для террористов (в том числе – методами религиозного воспитания и «промывки мозгов»). Значительное место в подготовке террористов занимают высоко-эмоциональные проведи, в которых обосновывается: «Это делается не из желания убивать, а потому, что джихад должен продолжаться! Все, что делается для достижений наших целей – легитимно!».

Не вдаваясь в научные объяснения, упомянем лишь об одном хорошо известном специалистам психологическом механизме, на основе которого формируется подобное мировосприятие и мировоззрение. В частности, речь идет о «проективной идентификации», при которой происходит трансформация психологических установок, наиболее ярко проявляющаяся при паранойальном развитии личности (при этом «паранойальное развитие» – это не обязательно патология). В таких случаях, даже при отсутствии каких бы то ни было внешних провоцирующих факторов, у людей постепенно формируется бескомпромиссная уверенность, что это не они ненавидят, обвиняют и преследуют ни в чем не повинных людей. В их индивидуальном сознании все представлено качественно иначе: это их ненавидят и незаслуженно преследуют, а они только отвечают на то, что их унижают, обвиняют и преследуют. А при наличии в сознании народа тяжелой психической травмы, особенно – исторической травмы (реальной или даже мифологической), нанесенной враждебной группой принадлежащей к другой нации, такое паранойальное развитие может приобретать массовый характер. По мнению ученых, именно этот механизм лежит в основе всех межнациональных конфликтов: между арабами и евреями, армянами и турками, ирландцами и британцами, в том числе – между русскими и украинцами.

Верят ли они в Бога? Нам, почти утратившим веру, это трудно понять, но большинство из них искренне верят в то направление (или то отклонение от) традиционного Ислама, к которому они принадлежат. Верят примерно так же, как это было в Европе в средние века, когда десятками казнили ведьм и еретиков под ликование истинных христиан, когда совершались крестовые походы. Кроме того, они верят в свою мессианскую роль по очищению мира от скверны.

Чего они хотят? Если попытаться посмотреть на это как бы со стороны и беспристрастно (что с учетом их преступлений против человечности достаточно трудно), – они хотят искоренить пороки современного западного сообщества, и прежде всего – нарастающую во всем мире несправедливость и привилегии «более равных» граждан. Но, что не менее существенно – они в первую очередь готовы бороться против присвоенной себе некоторыми государствами привилегии «более равных» стран, которым позволено безнаказанно пренебрегать национальными обычаями, традициями, сложившимся образом жизни и интересами других стран и народов.

10. Конченные страны

Как известно, еще во второй половине XX века в политологии появилось такое специфическое определение как «конченные страны», у которых никогда не будет адекватного образования, здравоохранения, высоких технологий и т.д. Этим странам молчаливым решением сверхдержав заготовлено место на обочине современной истории, с ними можно делать все, что угодно, а в случае непослушания, наказывать (в том числе – ракетными обстрелами) на основе огульных и бездоказательных обвинений. Примеров более чем достаточно: началось все еще с Югославии, затем была ложь о наличии химического оружия у Саддама Хусейна и совсем недавно – очередная ложь о применении химического оружия в Сирии. Естественно, что население этих стран, и даже выходцев из этих стран, ставших гражданами других государств, такое положение не устраивает. И именно здесь скрывается ответ на вопрос западных аналитиков, которые никак не могут понять: почему, являясь гражданами свободного мира – Бельгии, Великобритании или Франции, эти выходцы из арабских стран, получившие воспитание и образование в их же добропорядочной среде, поступают не как граждане?

Нужно признать, что в современном мире имеются многочисленные примеры достаточно произвольного обозначения кого-то террористами. США провозглашали в качестве террористов Слободана Милошевича (1999) Саддама Хусейна (2003), Муамара Каддафи (2011) и нынешнего лидера Сирии Башара Асада, а на Украине, например, таковыми именуют граждан ЛНР и ДНР. Еще более примечательно, что в той же Сирии одни террористические группы вдруг «переквалифицируются» в умеренную оппозицию, а другие – наоборот. По сути, это стало ярлыком, который навешивают на кого угодно, в зависимости от политической целесообразности. Сейчас усилиями лидеров ряда западных стран и вторящих им СМИ этот ярлык явно примеряют для всей России. А наличие такого ярлыка позволяет западным сверхдержавам осуществлять любые действия в отношении таких групп лиц или стран, вплоть до физического уничтожения или оккупации. Нам есть о чем задуматься и понять, что предпринимаемые руководством нашей страны меры оборонительного характера являются своевременными и адекватными.

11. Мнение ученых и реальная практика

Ученые, к которым традиционно не очень-то прислушиваются, уже давно говорят, что в дополнение к силовому подавлению, необходимо задуматься о разработке адекватных современному миру гуманитарных стратегий антитеррора, что противостоять этому злу должны не только спецслужбы, но и просвещенное знание, и консолидированное общество, убежденное в своей моральной и исторической правоте. На международной конференции по проблемам антитеррора, состоявшейся после Бесланской трагедии (2004), было высказано мнение, что бороться с терроризмом только методами уничтожения террористов – это то же самое, что пытаться бороться с наводнением, вооружившись столовыми ложками.

Нужно сказать, что вначале сам тезис о гуманитарных стратегиях антитеррора был воспринят относительно отрицательно. Но последующее развитие социально-психологической и социально-политической ситуации в Чечне со всей убедительностью показало, что реальны и другие методы, и они действуют гораздо эффективнее, чем силовое подавление. Может быть, и в мировом масштабе не стоит уповать лишь на повсеместный количественный и качественный рост армейских подразделений, органов охраны порядка и миллиардные вложения в системы слежения и кон-

троля? Возможно, если просчитать, другие варианты решения проблемы окажутся менее затратными? Но для этого придется переосмыслить все сложившиеся стереотипы социально-экономических, межнациональных и международных отношений.

Еще в 1996 автором была сформулирована идея, что весь современный мир приближается к смене парадигмы развития, при этом было высказано предположение, что эта смена, скорее всего, будет происходить чрезвычайно болезненно и нецивилизованно. Именно такое развитие будущих событий обосновывалось тем, что этой смене будет оказано самое жесткое сопротивление со стороны властных и экономических элит, перегруженных идеями своего ситуационно – мощного, а с исторической точки зрения – иллюзорного могущества. Смена парадигмы – это исторический процесс, и каковым бы не было по мощи или по протяженности сопротивление этому процессу, он все равно будет идти. Вернее – уже идет. Пока – по предсказанному сценарию.

12. Роль силовых структур

Реальное понимание и осознание сути мировых процессов еще далеко, но не так далеко, как кажется. Тем не менее, пока ситуация такова, как она есть. Поэтому большинство граждан с пониманием относятся к укреплению органов охраны порядка, и с пониманием отнесутся даже к необходимости некоторых ограничений прав и свобод в обмен на повышение уровня безопасности. Но здесь нужно отметить определенные трудности в деятельности самих, заслуживающих всяческого уважения, силовых структур. У нас пока не сформированы реально-кооперативные отношения между населением, полицией и спецслужбами. С одной стороны это обусловлено постсоветским синдромом негативного отношения к любым формам такого взаимодействия, которое все еще нередко оценивается как «стукачество». А с другой, уже в постсоветский период в социуме сложилась и остается достаточно популярной точка зрения, что силовые структуры охраняют не столько граждан, сколько тех, у кого власть и капитал (так называемых «более равных»). Этот негативный стереотип, конечно, нужно преодолевать и не с помощью агитационно-пропагандистской кампании, а реальными примерами, государственными решениями и законодательными актами, которые позволят установить качественно иной уровень доверия граждан.

13. Что мы должны понять?

Выше уже упоминался паранойяльный тип личности, который на обыденном уровне чаще определяется как фанатизм. В описании этого психологического феномена, как правило, выделяются: страстная преданность своим (несущественно – передовым или предельно ложным) идеям и убеждениям, соединенная с крайней нетерпимостью к чужим взглядам в сочетании со слепым поклонением тем или иным лидерам – продуцирующим эти идеи, с преданностью своим организациям, сектам или группам. С этой точки зрения большинство террористов – это, конечно, фанатики, готовые и к самопожертвованию, и к убийствам. Тем не менее, анализ текстов и пособий для террористов, позволяет констатировать, что каждый теракт – это одновременно еще и послание. В некоторых инструкциях для террористов прямо указывается: «Чем больше будет жертв, тем скорее они поймут!». При этом – что именно должно быть понято, далеко не всегда формулируется или лежит за пределами реального и достижимого. Это, конечно, извращенно-преступная форма апелляции к пониманию, но и этот фактор также не стоило бы недоучитывать. Еще раз повторим: опыт Чечни показал, что решать такие проблемы другими путями можно, особенно при наличии здравомыслящих и обладающих реальным авторитетом и властью лидеров национальных элит, к которым прислушиваются даже идейно убежденные террористы.

14. Психологический портрет террориста

Это преимущественно молодые люди, получившие воспитание в патриархальной и религиозной среде. Обычно они имеют устойчивые, нередко – предельно мифологизированные представления об исторических травмах своего народа в сочетании с идеями отмщения. Наиболее типичные для них социальные чувства: скорбь, ненависть в сочетании с ущемленной национальной гордостью и обостренным чувством несправедливости, чинимой в отношении их малой родины, а также – искаженные представления об историческом обидчике и жажда возмездия. Для них также характерно смешение представлений о добре и зле, и готовность к самопожертвованию во имя веры и своих идеалов, что в их среде оценивается как героизм и выполнение своей священной миссии. Чаще всего вербовка осуществляется через ближайших друзей и родственников или после гибели родственников, или после агрессии сверхдержав в отношении их исторической родины, даже если они родились в тех или иных западных странах и являются их гражданами. По мировой статистике, вербовка путем шантажа не превышает 5% [5, 9–11]. Способствующими вербовке являются случаи явной или скрытой дискриминации по национальному или религиозному признаку в школьной, университетской или иной среде, включая такие малозначащие (по представлениям европейцев), как запрет на ношение хиджаба. Уточним, что речь не о чадре, а об обычном головном платке, который до сих пор принято носить и во многих российских селениях.

Детские воспоминания террористов, как правило, связаны с колониальным прошлым, периодами войн, оккупации и изгнания – их самих или их родителей, которые в 32% случаев, хотя и скорбят по погибшим, с пониманием относятся к вовлечению детей в террористические группы. Это обуславливается тем, что главную роль в формировании террористического мировоззрения играет не пропаганда, а религиозно-политическое воспитание, реализуемое с младенческого возраста в сочетании с примерами собственных национальных героев, и лишь уже позднее к этому про-

цессу подключаются вербовщики. Не секрет, что семьи погибших террористов нередко получают солидную материальную компенсацию из специальных фондов и от спонсоров террористов.

Террористические группы объединены по сетевому принципу, при этом отдельные «ячейки» не связаны и не контактируют друг с другом. По сути – это глубокое, хорошо эшелонированное подполье. При проведении терактов и захвате заложников возможность успешных переговоров с исполнителями практически исключена, так как руководство терактом обычно осуществляется извне, а назначенная для проведения теракта группа должна любой ценой выполнить приказ, независимо от исхода сложившейся ситуации для нее самой.

15. Во имя чего?

Во имя чего террористы совершают свои преступления? Для нашей (преимущественно атеистической аудитории) это звучит малоубедительно, но преимущественно – во имя веры, так, как они ее понимают, и своего народа, ради будущего которого они готовы пожертвовать собственной жизнью. Одно время пытались принизить этот фактор, именуя их «террористами-суицидниками». Не думаю, что это позволяет лучше понять эту трагическую для современного мира феноменологию. Но, независимо от того, во что они верят, общество будет всегда исходить из того, что они совершают убийства ни в чем не повинных людей, и для общества – они преступники.

Во многих западных изданиях террористов характеризуют как врагов западного мира и врагов западного образа жизни, утверждается, что они ненавидят западную культуру и западное общество, в целом. Это не совсем так. Во многих случаях в их среде целенаправленно культивируется не столько ненависть, сколько презрение к современному западному обществу за его пороки.

Еще одним распространенным заблуждением является утверждение, что большинство из них – это преступные наемники, примитивные и малообразованные люди, совершающие свое человеконенавистнические акты за деньги. Такие тоже есть, особенно в странах, где фактически нет иных источников заработка, кроме вхождения в вооруженные группировки. Но не они составляют большинство. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать несколько последних терактов в Западной Европе, совершенных имеющими неплохую работу, вполне благополучными и на первый взгляд – вполне законопослушными и добропорядочными гражданами этих стран. Это одновременно позволяет сделать еще несколько неутешительных выводов: терроризм молодеет, становится более образованным и технологичным, и более изощренным, а наши технические достижения (самолеты, автомобили, дома, дамбы и т.д.) легко превращаются в его орудия убийства, повсеместно разбросанные в нашем глубоком тылу.

При опросе террористов, отбывающих заключение за свои преступления, было установлено, что испытывают искреннее чувство вины и сожалеют о совершенных терактах 0–1%; в 77% случаев в процессе тюремного перевоспитания у таких заключенных отмечалось укрепление террористического мировоззрения, групповой идентичности и преданности своему делу. 84% заключенных заявляли, что планируют вернуться к террористической деятельности после заключения. Испытывали чувство гордости за совершенное 99%. На вопрос: как эти массовые убийства ни в чем не повинных людей сочетаются с Кораном, практически всегда давался стандартный ответ, что «они служат вере, идет война, и все их грехи отпущены». Попытки убедить отбывающих заключение за терроризм, что преследуемые ими цели недостижимы, во всех случаях были безуспешными.

16. О вербовщиках

В СМИ активно эксплуатируется мнение, что вербовщики – это некие проплаченные проходимцы, асоциальные типы, хорошо обученные, использующие манипулятивные методы и заманивающие легковверных молодых людей в свои сети. Безусловно – они хорошо подготовлены и обучены методам пропаганды. Но, тем не менее, наряду с «проплаченными», в большинстве случаев это убежденные романтики и фанатики борьбы, умеющие выявлять и демонстрировать пороки современного мира и искренне убежденные в необходимости их искоренения. Именно поэтому их методы убеждения в ряде случаев оказываются такими действенными. Те, кто ведет контрпропаганду, к сожалению, не имеют такой же непоколебимой уверенности в своей правоте и таких же неоспоримых доводов в защиту сложившейся в мире ситуации.

17. Терроризм – оружие слабого

Безусловно, пропаганде терроризма и насилия в любых формах нужно противодействовать. Главное в этом противодействии – работа с молодежью. Но старые методы уже не работают. Молодежь информационной эпохи уже качественно другая, не та, из которой когда-то формировались отряды тимуровцев и пионеров. Время нынче другое, а молодежь – куда умнее, образованнее, намного раньше взрослеющая и с гораздо более пристальным вниманием вглядывающаяся в современный мир и наше общество. Поэтому прежде чем обозначать ее место или вести контрпропаганду, ее нужно услышать, дать ей хоть какие-то духовные опоры и предложить привлекательный образ будущего. И лишь затем терпеливо и настойчиво объяснять им, что справедливость не находят, а обретают в борьбе. Но эта борьба должна вестись цивилизованными методами: учитесь, обретайте знания и опыт, становитесь политиками, государственными и общественными деятелями, предлагайте новые идеи и будьте сильными. Теракт – это всегда примитивное оружие слабого.

Список литературы

1. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / Сб. статей международной конференции под ред. проф. М.М. Решетникова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. – 272 с.
2. Решетников М.М. Современная демократия: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // Телескоп. – М., 2004. – № 1. – С. 3–13.
3. Решетников М.М. Социальный активизм молодежи и терроризм в Европе // Социокультурные проблемы современной молодежи. Материалы международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – Ч. 1. – С. 84–86.
4. Решетников М.М. Психология войны: от локальной до ядерной. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2011. – 496 с.
5. Решетников М.М. Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ. – 3-е издание. – М.: Издание Московского государственного университета, 2014. – 260 с.
6. Решетников М.М., Секач М.Ф. Психология и психопатология терроризма. – М.: Белый ветер, 2016. – 604 с.
7. Юрьев А.И. Глобализация как новая форма политической власти // Глобализация: варианты для России. Материалы круглого стола. – СПб.: РосБалт, 2001.
8. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Пер. с нем. – М.: Прогресс-Литера, 1992.
9. Post J., Sprinzak E., Denny L. Terrorists in their own world: Interviews with 35 incarcerated Middle Eastern Terrorist (Тексты представлены Дж. Постом на запросе автора с разрешением на использование и публикацию – *М.Р.*).
10. Twemlow S.W, Sacco F.C. Reflection on the making of a terrorist // Terrorism and war. Unconscious dynamics of political violence. – L.: Karnac books, 2002. – P. 97-123.
11. Volcan V. Traumatized societies // Violence or Dialogue? Psychoanalytic insight on terror and terrorism. – L.: International Psychoanalytic Association, 2003. – P. 217–247.